

терием поступка. С философией У. впервые Р. познакомился в Симбирской гимназии, когда под влиянием сына квартирной хозяйки, гимназиста 7 класса Н.А. Николаева, увлекавшегося идеями 1860–1870-х, прочел первые философские книги — «Утилитарианизм» (рус. пер. 1866) и две части «Исследований» («Рассуждения и исследования политические, философские и исторические» — рус. пер. 1864–1865) Д.С. Милля. Из первой Р. вынес «на много лет» «знание, что есть взгляд на человека и на жизнь его, как на управляемые и долженствующие быть управляемыми идеей счастья — высшей в истории» (ОСЖС, 687). Р. прочитал «Избранные сочинения» (СПб., 1867) основоположника У. — И. Бентама, а также книгу протоиерея А.П. Мальцева «Нравственная философия утилитаризма: Историко-критическое исследование» (СПб., 1879): «И с тех пор: “какова цель человеческой жизни” — стало предметом моей мысли. “Так важно”. “1-й философский вопрос”. “Как не знать человеку, зачем он живет?”» (ВНС, 368). По признанию Р., в 4 классе гимназии он постоянно размышлял над идеей счастья, «верховного начала человеческой жизни» (ОСЖС, 690). Тем самым он начал «серьезное в своей жизни» (ОСЖС, 688). Наиболее повлияла на Р. философия Милля: «Но все положило во мне уже меньшее впечатление, чем Д.С. Милль. А главное: я сам прогнул и задохнулся над вопросом. Что “цель оправдывает средства” (иезуиты) — это, конечно, я уже решил в смысле “да” почти с 1-го момента. И — сознательно принуждал себя к дурному (я), если “полезно”» (ВНС, 368). Критерием истинности новой мысли для Р. стала та «светлая радость», под влиянием которой он находился в течение 2–3 лет (ОСЖС, 690). Мысль об естественных целях человеческой жизни Р. считал «поворотным пунктом в своем развитии»: «Изменен был угол зрения, и я все увидел в новом свете и расположении» (ОСЖС, 690). Мучивший его вопрос Р. увидел в «Исповеди» Л.Н. Толстого, но полагал, что в отличие от Толстого он «разрешил его, и это решение содержало в себе совсем иной мир мысли, иной строй норм человеческой жизни», о которых Толстой «стал учить потом» (ОСЖС, 690). Итогом «освобождения» (ЛИ, 150) стало «исследование идеи, самой важной во всемирной истории» — первое философское сочинение Р. «Исследование идеи счастья как идеи верховного начала человеческой жизни», первая часть которой была опубликована позже под названием «Цель человеческой жизни» (ВФП. 1892. № 14–15). По Р., эта идея «мучительно искажает природу человека», она выросла из сомнения и утомления духовных сил человеческих и является источником истощения, которое Европа пережила в эпоху реформации («Цель человеческой жизни» // Смысл жизни. Антология. М., 1994. С. 23, 42). Всю Новую историю Р. воспринимает как развитие этой идеи. «Поворотными точками» в этом отношении Р. считает «Великое восстановление наук» Ф. Бэкона и «Введение в основание нравственности и законодательства» Бентама, в которых утилитарный принцип «глубоко и искренно исповедуется»: «Первый, указав на могущество и благосостояние человека как на цель, к подножию которой приведет со временем познание природы, открыл этим указанием начало распространения утилитарного принципа вообще на всю сферу теоретической деятельности человека — всегда

УТИЛИТАРИЗМ — направление в этике, считающее полезность основой нравственности и главным кри-

индивидуальной и субъективной; второй, утвердив резко этот же принцип в важнейшей части публичной деятельности народов, начал подчинение ему всей сферы практических и коллективных дел» (Там же, 24). Раскрывая «внутреннее содержание» утилитарной идеи, Р. выводит ее «состав»: «Цель человеческой жизни есть удовлетворенность, бескачественная и наибольшая, для наибольшего количества людей, волею этого количества определяемая как в содержании своем, так и в средствах осуществления» (Там же, 34). В абсолютизации удовольствия как «средства оценки всего» Р. видит этическую относительность утилитарной идеи, отсутствие этического критерия в ней: она «не имеет какого-либо отношения к понятиям хорошего и дурного, не содержит в себе этих понятий как своего постоянного качества» (Там же, 28). Р. подвергает критике положение утилитарной доктрины, по которому «счастья наибольшего количества людей» предпочтительнее как большее в своей сумме счастьем одной личности: «*Страдание* одного или некоторых, если оно способно послужить к наслаждению многих, может быть избираемо как средство, давая в разнице чистое наслаждение» (Там же, 31). Р. не признает учение У. в качестве высшего критерия добра и зла, так как в нем счастье определяется большинством, а потому «доброе глубоко и навсегда пришлось бы преклониться пред злом, потому что, очевидно, *сознание* высшего добра никогда не было уделом масс, а личность должна была бы подавить в себе это сознание по требованию или простому желанию “темного” большинства» (ЛВИ, 187). Р., для которого «личность всегда есть целое», «носитель главных и ненарушимых норм», «священный характер, глубокий и вечный смысл», «индивидуум прежде общества» (Там же, 53–54), критикует У. за то, что в нем «отрицается и подавляется весь мир индивидуальных порывов, идей и чувств», «*гений* гасится, как только он не вдвигается в узкую трубу, по которой текут всеобщие желания»: «Утилитаризм есть могила индивидуального развития и с ним всякого цвета истории — всего, чем из века в век она светит нарождающимся поколениям» (ЛВИ, 187). Исходя из потенциальной сущности человеческой природы, Р. видит естественную и истинную цель человеческой жизни в раскрытии в духе человеческом трех первоначальных «стремлений», коренящихся в первозданной природе человека, — *истины*, добра и свободы как трех конечных целей человеческого существования, в которых «заключено внешнее мерило хорошего и дурного для человека» (Там же, 47, 49, 52). Эти цели «образуют нравственную жизнь»: «Составляют неразрушимое ядро индивидуальной деятельности, ненарушимый покров над личностью» (Там же, 53–54). Понятию «наслаждения» Р. противопоставляет понятие «радости»: «Радость есть чисто внутреннее ощущение, которое является, “когда сделано все, что нужно”; нужно не для потребностей человека, не в насыщение его, но иногда вопреки этим потребностям, ограничивая это насыщение <...> Ее источник в первоначально чистой человечности <...> в ней скрывается истинный источник насыщения для человека» (Там же, 63). В философском трактате «*О понимании*» Р. считает несправедливым применять к человеку утилитаристское понимание нравственности как «полезной деятельности», так как, исходя из этого, наиболее нравственной

становится политическая деятельность, а «убогие и бедные люди», «тяжело больные, слепые и расслабленные» — «чудовищами безнравственности» (ОП, 543). Р. проводит границу между нравственностью и пользой: «Если из любви к ближнему я прямо помогу ему в нужде, то это будет актом нравственности; если же из политических соображений и несколько не любя ближнего я ввожу такие учреждения, которые способствуют более равномерному размещению благосостояния в стране, понижая богатых и поднимая бедных, то этот поступок мой будет актом пользы» (ОП, 542). Позже, в период отказа от «наследства 60–70-х годов», Р. в статьях 1891 продолжает подвергать критике утилитаристское решение вопроса о счастье как цели человеческой жизни. Недостаток учения У., по Р., заключается в том, что оно «слишком трезво, слишком ясно, и в нем не находилось никакого ответа и удовлетворения многим темным и глубоким сторонам человеческой природы, многим требованиям ее *совести*» (ЛВИ, 186). Не логическое, но психологическое опровержение принципа пользы И. Бентама («Введение в основания нравственности и законодательства», гл. I, 13) Р. видит в близкой себе «заветной мысли» Ф.М. Достоевского «о неустроимости природы человеческой рационально», проявляющейся в антиутилитаристском пафосе подпольного человека и в *сне* Раскольникова о мировой язве (ЛВИ, 114). Р. близка критика У. в *творчестве* Достоевского, по которому духовная природа человека не может удовлетвориться материальным счастьем в свете неизбежной для человека смерти: «Да, если б я был *цветок* или *корова* — я бы и получил наслаждение. Но <...> я ни за что не могу принять никакого счастья, — не от нежелания согласиться принять его, не от упрямства какого из-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля. Это — *чувство*, это непосредственное чувство, и я не могу побороть его» (ЛВИ, 133). Р. не устраивает утилитаристское понимание счастья как удовлетворенности, потому что оно «не содержит в себе указания на какие-либо определенные предметы достижения, на реальные цели деятельности, но только освящает равно всякие, какие возникнут в истории» (ЛВИ, 186). Р. не устраивают в формуле У. количественные признаки счастья — «продолжительности и напряженности даваемого удовлетворения», в которых исчезает этический критерий (ЛВИ, 187). В отличие от произвольной и неопределенной «удовлетворенности» У. цель нравственности, по Р., — «ясная удовлетворенность», которая «наступает для человека лишь тогда, когда он не одной стороною своей природы не отклонился от исполнения долга, в эту природу заложенного; когда он возрастает по законам *души* своей, не нарушая этих законов ни под каким влиянием. Удовлетворенность есть здесь следствие — сопровождающий симптом того, что истинные цели достигаются; оно есть боковое нечто, но не впереди лежащее — луч света, который сопровождает человека, пока он идет по определенной тропинке» (ЛВИ, 191). «Высшее удовлетворение нашей совести» возникает, в частности, при чтении *Библии*, когда становится понятно и близко «ощущение святости»: «Душа наша невольно влечется идеалам совершенно чистым, чрезвычайно возвышенным» (СП, 63). Р. не удовлетворяет то, что «государство» руководится исключительно

утилитарными понятиями», не замечая «необходимости великих этических и эстетических идей», без которых «жизнь умирает или уродуется». По мнению Р., «господствующая идея удобства в *труде* <...> должна поддаться перед идеей художественною и нравственною <...> в самое существо той “красной глины” <...>, которую образует тело народное, у нас не был вдунут дух никаким истинным художником: <...> новая *Россия* зачата и рождена без всякого истинно творческого, художественного или этического порыва» (ВЕ, 342).

А.А. Медведев